

Любовь народа рассматривается как моральная и правовая предпосылка власти правителя и его чести:

«Хвала народа — мне услада;
И мне ль, Роман, страшиться вол?
Ему опора — мой престол,
А мне любовь его — ограда!
Она всех дел моих печать».⁵⁰

Роман же, собеседник Андрея, предостерегает его от переоценки выражений доброжелательства, советует ему делать различие между толпою придворных льстецов и искренними выражениями чувств народа.⁵¹ При этом необходимо учесть, насколько эти мысли соответствуют некоторым высказываниям в лирике зрелого Пушкина.

Великодушный поступок Андрея, спасающего из когтей медведя незадачливого охотника, производит на Романа, который сначала смотрит с предубеждением на Андрея, глубокое впечатление. Он узнает в Андрее «сына Мономаха», да и вообще этот охотничий эпизод соответствует в известной мере жизнеописанию Владимира Мономаха, где, как известно, рассказывается о нескольких опасных охотничьих приключениях, между прочим о нападении медведя.⁵²

Для философского идеализма А. Бестужева знаменательно, что как раз в связи с этим охотничьим эпизодом его герой подчеркивает переходящее значение героических подвигов:

Что слава? Ломкая скудель,
Румянец тленья листопада!..

Прошли и героические времена древних славян:

Лишь развевает вихрь степной
Их безответные курганы!⁵³

Единственным критерием неугасимой славы, достойной позднейшего летописца, по мнению Бестужева, как он передает мысли своего героя Андрея, является только общественное благополучие. Программа Андрея приобретает формы колоссального утопического видения будущего: Доброе в человеке и красота в природе сливаются в идеалистическую мечту. Все, что укрепляет доброе и красивое в человеке, это достижимая близкая цель.⁵⁴

Философское возвышение, которое должно было быть присуще идеальному образу связанного с народом князя, с его в высшей мере утопическими чертами, характерно для поэзии декабристов. И во всех трех разобранных случаях оно привело к применению определенных агнографических стиливых средств. Явление это само по себе существовало уже в древнерусской литературе. Поэма «Мстислав» Катенина, начинающаяся вполне в народно-эпическом стиле, кончается словами:

Пали наземь лицом, и в слезах благодарных молили
Бога и спаса Христа и пречистую деву Марию.⁵⁵

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

⁵² Повесть временных лет, ч. 1, стр. 162.

⁵³ А. Бестужев - Марлинский, стр. 127.

⁵⁴ Там же, стр. 128, сл.

⁵⁵ П. А. Катенин. Избранные произведения, стр. 112.